

П.Ф. Стросон

ГРАММАТИКА И ФИЛОСОФИЯ*

(Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. –М.: Прогресс. –1986. –392 с.)

Каждый, кто свободно и правильно говорит на своем родном языке, прошел через период овладения языком. В течение этого периода человек, без сомнения, воспринял множество предложений, произнесенных другими людьми, а его собственные предложения неоднократно подвергались исправлению. Однако результат овладения языком состоит не только в том, что человек приобретает способность повторять предложения, сказанные другими, или исправлять ошибки в собственных предложениях. Подлинный результат овладения языком состоит в способности человека произносить и понимать в принципе бесконечное множество новых предложений, смысл которых ему ясен, а также в умении отличать полностью правильные и осмысленные предложения языка, какими бы причудливыми они ни были, от предложений, в тех или иных отношениях и в той или иной степени отходящих от норм правильности и осмысленности, и, быть может, отмечать (в более или менее явном виде), какие именно особенности предложения не позволяют считать его нормальным.

Представляется вполне разумным допустить, что из способности носителя языка конструировать, интерпретировать и критически оценивать предложения следует существование набора или системы правил, которыми (в определенном смысле) овладел этот носитель языка. Это не означает, что он сознательно строит или интерпретирует предложения в соответствии с какими-либо правилами такого рода или что ему удастся сделать хотя бы первые шаги в формулировке этих правил с достаточной эксплицитностью или с учетом всей системы правил в целом. Правила могут “управлять” речевым поведением и даже способностью критически оценивать предложения таким образом, что человек не отдает себе отчета в их существовании. Поэтому не следует ожи-

* P.F. Strawson. Grammar and philosophy.-In. “Semantics of Natural Language” (by ed. Davidson and Harman). Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1972, p. 455—472. Сокращенный перевод.—Прим. ред.

[160]

дать, что человек, в совершенстве овладевший языком, сможет теоретически сформулировать суть того, что он применяет на практике.

Тем не менее вся речевая практика остается в нашем распоряжении. И поэтому в принципе возможно извлечь из нее теорию и сформулировать ее в полном виде, с

учетом всей системы правил разных типов. Именно такую цель поставили перед собой современные ученые, работающие в русле трансформационной порождающей грамматики. Полностью эксплицитная и максимально систематическая формулировка правил, управляющих речевой деятельностью человека, составляет теорию языка этого человека. Такую теорию можно назвать грамматикой языка, если трактовать понятие грамматики достаточно широко. Она будет состоять из трех частей или компонентов: синтаксиса, семантики и фонологии. Если не стремиться к точности, то можно сказать, что эти три части имеют дело соответственно со структурами, смыслами и звуками; однако неточность в этом случае оказывается весьма несущественной, поскольку структура сама по себе в значительной степени детерминирует смысл. Именно синтаксическая или структурная часть языка подверглась наиболее тщательному исследованию и вызвала наибольший интерес специалистов в области трансформационной грамматики.

Из традиционной грамматики нам известны некоторые термины, которыми пользуются специалисты по трансформационной грамматике для описания фактов, касающихся структуры предложений. Так, мы знакомы с названиями таких грамматических классов и категорий, как существительное, именная группа, глагол, предлог, наречие и прилагательное, и с названиями таких грамматических отношений, как подлежащее предложения, подлежащее при глаголе, дополнение при глаголе, модификатор подлежащего [=определение], модификатор глагола [=обстоятельство] и т.п. Совершенно очевидно, что полный охват всех фактов, касающихся структуры, то есть грамматических отношений в предложении, связан с пониманием предложения. Описать разницу в смыслах таких пар предложений, как *John loves Mary* 'Джон любит Мери' и *Mary loves John* 'Мери любит Джона' или *The old man sings a song* 'Старик поет песню' и *The man sings an old song* 'Человек поет старую песню' — это значит собрать воедино те структурные факты, которые выражаются в грамматике следующим образом: в первом предложении первой пары слово *John* является подлежащим, а слово *Mary* — дополнением, а во втором предложении той же пары — наоборот; прилагательное *old* является определением к существительному *man* в первом предложении второй пары и определением к слову *song* во втором предложении той же пары. В "школьном" варианте грамматического

[161]

анализа мы фиксируем факты, касающиеся грамматической структуры анализируемого предложения, в некоторой принятой форме. Конечно, мы можем неудачно выполнить упражнение такого рода, прекрасно понимая при этом разницу между парами приведенных предложений, и это иллюстрирует тот факт, что понимание структуры — это далеко не то же самое, что ее эксплицитное описание.

Таким образом, грамматическая структура, равно как и смыслы отдельных слов, обуславливают смыслы, или семантические интерпретации, предложений.

Центральный тезис трансформационной грамматики, ее отличительная особенность состоит в том, что адекватная грамматическая теория должна различать базовую структуру и поверхностную синтаксическую структуру, глубинную грамматику и поверхностную грамматику...*

Синтаксический компонент грамматики, или теории языка, представляет собой систему правил, допускающих или предписывающих выполнение определенных действий над элементами определенного типа. Эти терминальные элементы мыслятся как минимальные единицы смысла, атомы, которые язык структурирует посредством синтаксиса. Хомский называет эти минимальные единицы формативами. Формативы нельзя сравнить ни с одним из известных понятий, однако для нас не так уж важно в точности представлять себе их действительную природу. Формативы бывают двух типов — лексические и нелексические. Первые можно представить себе как аналог тех общих терминов или имен собственных смысл которых ни в коей мере нельзя считать синтаксически производным от какого-либо другого; сюда относятся такие примеры, как глаголы *sing* 'петь' или *love* 'любить', прилагательное *red* 'красный', имя *Mary*. Элементы второго типа имеют более гетерогенный характер; они включают, например, форматив, называемый *Past*, для обозначения прошедшего времени...

Синтаксический компонент теории задает как глубинные, так и поверхностные структуры предложений. Теперь вкратце о соотношении этих структур с двумя другими компонентами — семантическим и фонологическим. Правила фонологического компонента теории применяются к поверхностной структуре для получения реального, звукового представления предложения. "Информация, содержащаяся в семантическом компоненте, касается смысла индивидуальных лексических единиц и предназначена для того, чтобы совместно со структурной информацией глубинной структуры задать полную семантическую интерпретацию предложения...

В начале своей статьи я охарактеризовал языковую способность человека, в совершенстве владеющего своим языком, как

* Здесь и далее многоточие означает, что в данном месте текст сокращен. Прим. ред.

[162]

способность понимать, производить и критически оценивать неограниченное количество новых предложений данного языка. Сторонники трансформационной грамматики, по крайней мере в те моменты, когда они не теряют осмотрительности, не утверждают, что владение этими языковыми способностями, присущее идеальному носителю языка, может быть полно и адекватно объяснено с помощью простого приписывания ему "подразумеваемого" или неосознанного знания той системы правил, которые задает подобная теория. Они полагают (или,

вернее, настаивают на том), что адекватное объяснение языковой способности должно быть более серьезным. Отвлечемся на некоторое время от вопроса о том, каким образом сами специалисты в области трансформационной грамматики предполагают расширять ее для того, чтобы она могла объяснять эту способность, и рассмотрим вопрос о том, какое условие препятствует тому, чтобы человек, далекий от позиций трансформационной грамматики, признал эту теорию отвечающей его представлениям о понимании языка. Я буду называть это условие условием явности (*perspicuousness*).

Здесь мы вынуждены вернуться к рассмотрению глубинных структур предложений, которые, согласно Хомскому, играют решающую роль для семантической интерпретации предложений. Глубинные структуры порождаются базовыми правилами синтаксического компонента. Если мы отвлечемся от той части базы (включающей словарь), которая сопоставляет структуре терминальную цепочку, то останутся правила, работающие с узлами дерева, которые вводят грамматические категории (именная группа, глагол, предложная группа) в допустимых сочетаниях. Хомский видит особое значение этих правил и вводимых с их помощью грамматических категорий в том, что они задают основу для определения тех грамматических отношений, которые с точки зрения структурных соображений имеют первостепенную важность для семантической интерпретации предложения (хотя их роль и не исчерпывается этим). Именно поэтому столь существенны грамматические категории и правила, их задающие. Их роль состоит в том, что в совокупности они задают те термины, с помощью которых могут быть определены грамматические отношения для данного языка. А эти отношения существенны в силу своей важной роли для семантической интерпретации предложений. Однако, если не касаться словаря, грамматика пока не дает нам такой информации о важности этих грамматических отношений, которая была бы независимой от их определения в терминах грамматических категорий. Символы грамматических категорий и правила построения древесных структур, содержащих эти категории, как утверждается, приводят нас к грамматическим отношениям, столь важным для понимания предложений; однако

[163]

имена грамматических отношений, по определению, уводят нас обратно к символам грамматических категорий и их последовательностей, а поскольку грамматика — это эксплицитно заданный набор правил, мы не вправе считать, что располагаем пониманием каких бы, то ни было типов терминов, если эти термины не заданы в эксплицитных правилах самой грамматики.

Конечно, грамматика, или история языка в целом, располагает средством, позволяющим выйти из этого круга технических терминов. Таким средством является словарь, в синтаксических зонах которого лексическим формативам сопоставляются грамматические категории, а в семантических зонах, как можно себе представить, содержится вся остальная информация об элементах языка, необходимая для его понимания. Однако, как указывают критики

трансформационной грамматики и как признают ее сторонники, удовлетворительное теоретическое решение проблемы построения семантического компонента пока отсутствует. Я не собираюсь подробно останавливаться на этой проблеме, сформулированной здесь в общем виде. Достаточно констатировать, что, в полном виде правила теории, включающей семантический компонент, должны полностью задавать смысл всех формативов, как лексических, так и нелексических. Далее, поскольку грамматика соотносит отдельные формативы с грамматическими категориями, то она обеспечивает непосредственную связь смыслов формативов с грамматическими категориями и соответственно обеспечивает опосредованную связь смыслов формативов с возможными грамматическими отношениями в глубинной структуре, то есть с теми отношениями, которые помогают определять смысл предложения в целом. Однако — и именно это является сутью моей критики — этот особо важный набор связей не основывается на каких-либо теоретических положениях трансформационной грамматики. Имеется лишь перечень лексических единиц, никак не учитывающий общие принципы регулирующие сопоставление грамматических категорий с лексическими единицами. А ведь именно отношения такого рода особенно важны для теории, которая отвечает условию явности.

Следует еще раз указать, какие причины заставляют нас настаивать на сформулированном выше требовании. Мы не должны забывать, что первостепенная важность грамматических категорий и их допустимых сочетаний в глубинных структурах языка кроется в том, что они задают термины, в которых смогут быть определены грамматические функции и отношения между элементами в этом языке. А эти функции и отношения должны совпадать с функциями и отношениями, ощущаемыми обычным носителем языка при понимании предложений, которые он слышит или производит. Он ощущает их имплицитно, не имея, как можно

[161}

предположить, никаких специальных грамматических навыков. Теперь зададимся вопросом о том, каким образом это его ощущение характера функций и отношений связано с его знаниями смысла элементов языка, на котором он говорит? Не следует предполагать, что его знание смысла этих элементов полностью отделено от грамматических навыков, касающихся функций и отношений, которые необходимы для понимания смысла слышимых и производимых предложений. Его ощущение смысла элементов языка, как представляется, должно хотя бы частично включать ощущение их потенциальных ролей в грамматических отношениях базовых структур. Предположим теперь, что существуют внутренняя и закономерная связь между типами семантических отношений и грамматическими ролями в глубинной, или базовой, структуре. Задавая принципы подобной связи, мы очевидным образом будем прибегать и к семантическим, и к синтаксическим соображениям. Может ли получиться так, что мы при этом все же не заложим фундамент (или какую-то его часть) для общей теории грамматики? В любом случае грамматика, опирающаяся на такой фундамент, с точки зрения условия явности предпочтительнее, чем грамматика противоположного типа...

По-видимому, верно, что, если грамматика должна обладать объяснительной силой (то есть иметь объяснительные основы), то следует попытаться перекинуть мост между семанто-логическими признаками, с одной стороны, и синтаксическими отношениями и классами, с другой. По-видимому, неверно, что лучшим подходом к постановке соответствующих вопросов является их формулировка в терминах традиционных грамматических категорий и отношений, таких, как существительное, глагол, глагольное дополнение и т.п. Я попытаюсь объяснить нежелание сторонников трансформационной грамматики предпринять необходимую работу по изменению традиционной терминологии до того, как перейду к рассмотрению причин, по которым эту перестройку формы нельзя считать несущественной. Эти два вопроса тесно связаны между собой.

Прежде всего, вспомним, что сторонники трансформационной грамматики ожесточенно критикуют как философов, исследующих естественный язык с помощью традиционных методов (за их недостаточную систематичность), так и тех философов языка, которые опираются на формальную логику и строят идеализированные языки; критика в адрес последних состоит в том, что их подход, будучи систематическим, страдает от недостаточной эмпиричности¹. Подход трансформационной грамматики, будучи

¹ По обоим вопросам см., например: J.J. Katz. *The Philosophy of Language*. N.Y., 1966, ch.3.

[165]

систематическим, в то же время является последовательно эмпирическим. Его последователи — это лингвисты-эмпирики, грамматисты, действительно изучающие, хотя и в обобщенном виде, реальные языки и не склонные увлекаться теоретизированием, если речь не идет о *построении систем, или механизмов, или правил*, которые описывают то, что реально встречается в правильных предположениях, и указывает на характер отклонений в неправильных предложениях. Таким образом, хотя специалист в области трансформационной грамматики и относится положительно к идее универсальной грамматики, то есть к общей лингвистической теории, он все же, по словам Хомского, берет от понятий, входящих в эту теорию, лишь то, что может быть использовано при построении действующих лингвистических правил. Любой же другой подход, как утверждается, является слишком неопределенным и интуитивным для сопоставления с трансформационистским идеалом эмпирической ясности (clarity).

Таким образом, лингвисту не следует придерживаться подхода, который более уместен для философа и который, возможно, следует принять в случае, если грамматика действительно будет строиться на объяснительных основах. Фундаментальные идеи трансформационной грамматики — различие между глубинной и поверхностной структурами, понятие систематических трансформационных отношений между ними, намек на то, что базисные формы

функциональных отношений можно усматривать в простейших формах глубинных структур, - найдут отклик у каждого философа, который самостоятельно пытался за внешним сходством грамматических форм усматривать их внутреннее логико-семантическое различие, то есть фактически у любого философа. Однако если речь заходит об объяснительных основах грамматики В свете названных идей, то, как мне представляется, философ, по крайней мере на первом этапе исследования, попытается действовать независимо от эмпирических ограничений. Так, его вовсе не должно интересовать (по меньшей мере в начале исследования), на каком именно уровне — глубинном или ином — в данном языке задается формальная организация функциональных отношений. Подобно лингвисту, он будет располагать, с одной стороны, пониманием элемента смысла (атомами структуры) и, с другой стороны, семантически существенными способами их комбинирования друг с другом (синтаксические отношения). Однако рн с самого начала будет подготовлен к использованию словаря, который содержит семантическую или — рассматривая проблему шире — логическую классификацию элементов, которая явно соотносится со словарем сочетаний или грамматических связей. Имея подобное явное соотношение, он может, далее, рассматривать возможные формальные средства, позволяющие вносить из-

[166]

менение при комбинировании элементов, и, наконец, обращаться к приложениям подобной теоретической модели, к эмпирическому материалу некоторого конкретного языка.

Такова в общем виде программа исследования для лингвиста, который пользуется неэмпирическим методом; возможно, эта программа в конце концов сможет сослужить службу при исследовании эмпирического материала. Процесс реализации такой программы будет в некоторых отношениях напоминать процесс построения логиками формальных языков. Как отметил в одной из своих работ Куайн, не следует злоупотреблять структурами. Однако для лингвиста, пользующегося неэмпирическим методом, важно, чтобы каждый фрагмент структуры вносил лепту в совокупное описание смысла. Структуральность должна пронизывать все представления, и каждый фрагмент представления должен пониматься как часть структуры.

Скажу теперь несколько слов о деталях этой процедуры. Практически неизбежен путь, при котором исследователь начинает с построения сравнительно простых моделей языковых типов, а затем переходит к более сложным моделям. Важным противопоставлением, которое нельзя упускать из виду, является противопоставление между внутренней, или “сущностной”, грамматикой языкового типа и меняющимися, или вариативными, грамматиками этого языкового типа. Тип языка определяется: 1) семантическим или логическим (в широком смысле) типом входящих в язык элементов смысла и 2) типами их осмысленных комбинаций при построении предложений. Эти параметры а priori задают сущность грамматики языкового типа при предположении, что каждое

предложение, по крайней мере в базе, имеет синтаксически однозначную интерпретацию. Правила сущностной грамматики содержат требование идентификации, а в случае необходимости — и дифференциации всех названных комбинаций, то есть, например, если предложение содержит несколько элементов, различные комбинации которых дают осмысленные атрибутивные группы, то следует некоторым способом определить, как именно связаны эти элементы; или, если имеется элемент, задающий несимметричное отношение в комбинации с элементами или узлами, задающими его термы, то следует некоторым способом задать порядок прохождения по дереву к этим элементам или узлам. Таковы требования сущностной грамматики. Однако эта грамматика ни в коей мере не отвечает за то, каким образом будут выполнены указанные требования. Открывается широкий простор для использования разного рода формальных средств таких как порядок расположения элементов, флексии, аффиксы или использование особых синтаксических признаков. Выбирая один способ формальной организации из допустимого вариативного набора

[167]

способов, которые могут адекватно передавать особенности сущностной грамматики, мы тем самым выбираем одну из допустимых меняющихся, или вариативных, грамматик для рассматриваемого языкового типа. Когда такой выбор произведен, мы получаем полную и эксплицитную грамматику (или форму грамматики) для языкового типа, конечно же, ценой отказа от грамматики действительно существующих языков, поскольку мы рассматривали не естественный язык, а лишь предельно упрощенный тип языка.

Если мы продолжим наши исследования, то вскоре заметим, что нам требуется словарь терминов для используемых нами теоретических понятий или даже набор взаимосвязанных друг с другом словарей. Во-первых, нам нужен, так сказать, онтологический словарь. Во-вторых, нам нужен семантический словарь, то есть словарь наименований семантических типов элементов и даже отдельных элементов (как уже говорилось, элементы рассматриваются довольно, абстрактно). В-третьих, нам нужен функциональный словарь типов допустимых комбинаций или отношений между элементами в составе предложения, а также типов ролей, которые эти элементы и комбинации элементов играют в предложениях. И наконец, в-четвертых, нам нужен словарь названий формальных средств. Как внутри трех первых словарей, так и между ними существуют пересечения и зависимости. Четвертый словарь достаточно автономен, он требуется только при переходе от сущностной грамматики к вариативной. Выше я уже говорил о терминах, относящихся к четвертому словарю: порядок элементов, словоизменение и т.п. В первый, онтологический словарь включаются такие понятия, как пространство, время, длительность, ситуация, общая характеристика и общее отношение, а также некоторые подклассы двух последних понятий, например: подразделение общей характеристики на состояния, действия, свойства и выделение внутри общих отношений по меньшей мере симметричных и несимметричных отношений. Понятия такого рода тесно связаны с понятиями

функционального и семантического словарей. Функциональный словарь описывает связь между главными членами предложения, а также, если не предполагать у языкового типа полной неразвитости, связь главных членов предложения с остальными членами предложения. Два названных типа связи подразделяются далее на подтипы, происходит и выделение ролей, которые могут играть различные элементы и их комбинации как в рамках всего предложения, так и относительно друг друга. Отношения между понятиями функционального словаря, то есть их пересечение и соподчинение, являются весьма сложными, и я не рискую их здесь иллюстрировать. Семантический, словарь ограниченного языкового типа может включать три

[168]

основных класса элементов: (1) имена; (2) общие характеристики и отношения; (3) дейктические элементы. По меньшей мере второй и третий классы должны быть далее подразделены для продвинутых языковых типов; второй класс — так, как это указано выше, при описании онтологического словаря, третий, — например, на темпоральные, локативные, интерлокативные и просто контекстуальные дейктические элементы.

Отмечу, что, перечисляя взаимосвязанные понятия трех словарей сущностной грамматики, я не упоминаю никаких традиционных синтаксических категорий (существительное, глагол, прилагательное, предлог и т.п.). И это отнюдь не объясняется случайностями выбора примеров или недосмотром. Чем большей сложностью отличается языковой тип, тем, естественно, богаче содержание взаимосвязанных понятийных словарей, используемых для его описания и соответственно для формирования требований к его сущностной грамматике. Однако какими бы сложными ни стали эти словари, они ни в коем случае не должны включать упомянутую выше традиционную синтаксическую классификацию, если мы не выходим за рамки сущностной грамматики. Классификация такого рода, согласно современным грамматическим теориям, непосредственно соотносится с формальной организацией, определяющей вариативную грамматику языкового типа. Чем более строгими методами пользуется лингвист, тем больше усилий он прилагает к тому, чтобы задать такие категории, как существительное или глагол, с помощью формальных критериев, то есть с помощью типов преобразований, допустимых для тех или иных выражений, их дистрибуции в составе предложения, их линейного расположения относительно элементов, принадлежащих другим классам, и т. п. Вероятно, формулировка подобных критериев не может быть полностью независимой от семантики, а не учет семантических факторов обедняет эти критерии. Тем не менее наш основной тезис остается в силе: традиционные синтаксические категории отражают существующее в естественных языках взаимодействие между семантическими и функциональными факторами, с одной стороны, и наблюдаемыми формальными факторами, с другой стороны, поэтому данные категории не должны приниматься во внимание при исследовании сущностной грамматики. Это вовсе не может воспрепятствовать исследованию характерных способов формальной организации

языка и, следовательно, использованию определенных синтаксических категорий при описании вариативной грамматики. Важно, однако, что синтаксические категории вводятся именно на уровне вариативной грамматики, но не ранее. Все сказанное о традиционных синтаксических категориях относится и к традиционным синтаксическим отношениям, опирающимся на эти категории.

[169]

Теперь, надеюсь, стало понятным сделанное мною ранее замечание о том, что для выявления объяснительных основ грамматики нельзя считать оптимальным путем установление непосредственных связей между семантико-логическими категориями и традиционными (или по крайней мере носящими традиционные названия) синтаксическими категориями, — а ведь именно это и пытаются сделать сторонники трансформационной грамматики при разработке базовых структур. Если термины используются в значении, близком к их нормальному употреблению, то следует говорить уже не о синтаксических, а о сущностных функциях и классификациях; если же традиционная терминология используется произвольно, то не лучше ли вообще от нее отказаться и перейти к более точной терминологии. Некоторые преимущества указанных терминологических изменений бросаются в глаза. Нам будет легче признать, что определенные категории не всегда просто отыскать в структурно непривычном для нас языке, и, соответственно, мы не будем падки на романтические предположения о существовании концептуальных различий между носителями подобных языков и носителями нашего родного языка.

Предложенная мною программа вызывает множество вопросов. Понятие сущностной грамматики очевидным образом является понятием относительным: сущностная грамматика — это сущностная грамматика того или иного языкового типа. Мы можем отвлечься от того неоспоримого факта, что имеется только один практический путь построения подобной грамматики и путь этот состоит в последовательном переходе от описания простых явлений языка к описанию все более сложных явлений, и в связи с этим как сущностная, так и вариативная грамматики будут приобретать все более сложный вид. Имеются и более фундаментальные вопросы, которые касаются задания базовых типов элементов и их комбинаций, выбора базовых единиц для функционального и логико-семантического словарей. Как я полагаю, выбор всех названных единиц нельзя производить независимо друг от друга; каждый логико-семантический тип соотносится с потенциальными синтаксическими функциями. Что будет, если исследователю, разрабатывающему подобные классификации, не удастся отвлечься от тех ограничений, которые свойственны только хорошо известным ему языкам? Не следует ли опасаться (предполагать), что тогда построение онтологических объяснительных основ грамматики сведется к абстрактному отражению лишь некоторых языков? А если так, то как соотносится подобное описание с идеей общей теории человеческого языка (ведь никакая менее глобальная теория не может задать объяснительные основы грамматики в достаточно полном виде)?

На все сомнения такого рода я могу ответить лишь догмати-

[170]

чески. Во-первых, даже если эти сомнения в значительной мере оправданны, то это отнюдь не дискредитирует предложенный нами подход. Получение продвинутых моделей явной грамматики уже само по себе, как мне кажется, было бы важным результатом. Даже если такие модели непосредственно не дадут нам тонких теоретических языковых универсалий, они все же могут помочь в поисках таких универсалий. Совсем не поп подход, при котором удовлетворительная теория строится на основе теории менее удовлетворительных, а адекватное объяснение получается при опровержении объяснений неадекватных. И, во-вторых, эти сомнения кажутся мне преувеличенными. Мы все принадлежим к существам одного вида с фундаментально общим типом нервной и церебральной организаций, и потому нет оснований считать, что наиболее общие категории, организующие человеческий опыт, кардинально различаются и, соответственно, что базисные логико-семантические типы элементов, стоящие за человеческими языками, столь несходны между собой. (Это вовсе не означает, что названные логико-семантические типы элементов легко выявить.) Действительно, бывают случаи, когда нам только кажется, что языковые данные свидетельствуют о некоторых серьезных различиях между языками²; на самом же деле в настоящее время, до достижения определенных успехов в развитии теоретических исследований, мы просто ничего не можем утверждать о том, каким должен быть наиболее правильный способ трактовки указанных проблем, связанных с различиями между разными языками. Однако ни один способ рассмотрения языка не позволил бы поставить ни одной проблемы, если бы эти проблемы не были поняты каким-либо исследователем-теоретиком; таким образом, вряд ли стоит опасаться того (или надеяться на то), что любой исследователь, который ставит ту или иную проблему, может избежать рассмотрения единой теории языка.

Один из сторонников трансформационной грамматики предполагает, что общая теория языка, понимаемая как самодостаточное исследование эмпирического языкового материала, должна включать решения широкого круга традиционных философских проблем³. Я же настаиваю на том, что общая теория языка вовсе не должна получать поддержку со стороны философии, а также

² Например, может показаться соблазнительным предположение, что в некоторых областях, где мы склонны причислять понятие типов или разрядов объектов к нашим первичным понятиям, те первичные понятия носителей других языков, которые наиболее близки упомянутым нашим понятиям, могут оказаться все же понятиями другого рода, в большей степени элементарными; подобные понятия носителей других языков могут вовсе и не квалифицироваться как понятия определенных разрядов объектов или как понятия разрядов действий или ситуаций, в которые обычно вовлекаются такие объекты.

³ См, названную книгу Катца.

[171]

не должна и предлагать последней какую-либо поддержку. Одним из наиболее поразительных моментов в трансформационном подходе к грамматике является то, что этот подход существенно продвинулся в указанном мной направлении. Как представляется, следовать этому направлению вовсе не означает отталкиваться от эмпиризма, пусть и благоприятно осмысляемого; в качестве подходящего названия для предприятия такого рода можно, вероятно, взять такое “Исследование неэмпирического языкового материала” (как я указывал ранее) разумеется, эмпирическая ценность конструкций, предлагаемых философски ориентированным исследователем явных грамматик, в конечном счете должна стать предметом рассмотрения психологов и лингвистов, работающих отдельно и совместно друг с другом. Однако там, где указанные два различных направления исследований смыкаются, философ хотя бы на какое-то время может найти свое место в исследовании языка; и это вовсе не так мало. И наконец, какой бы ни была окончательная эмпирическая ценность теоретических построений философа (если она вообще имеется), он может быть уверен в том, что найдет в подобных построениях источник интересных для себя вопросов и ответов.